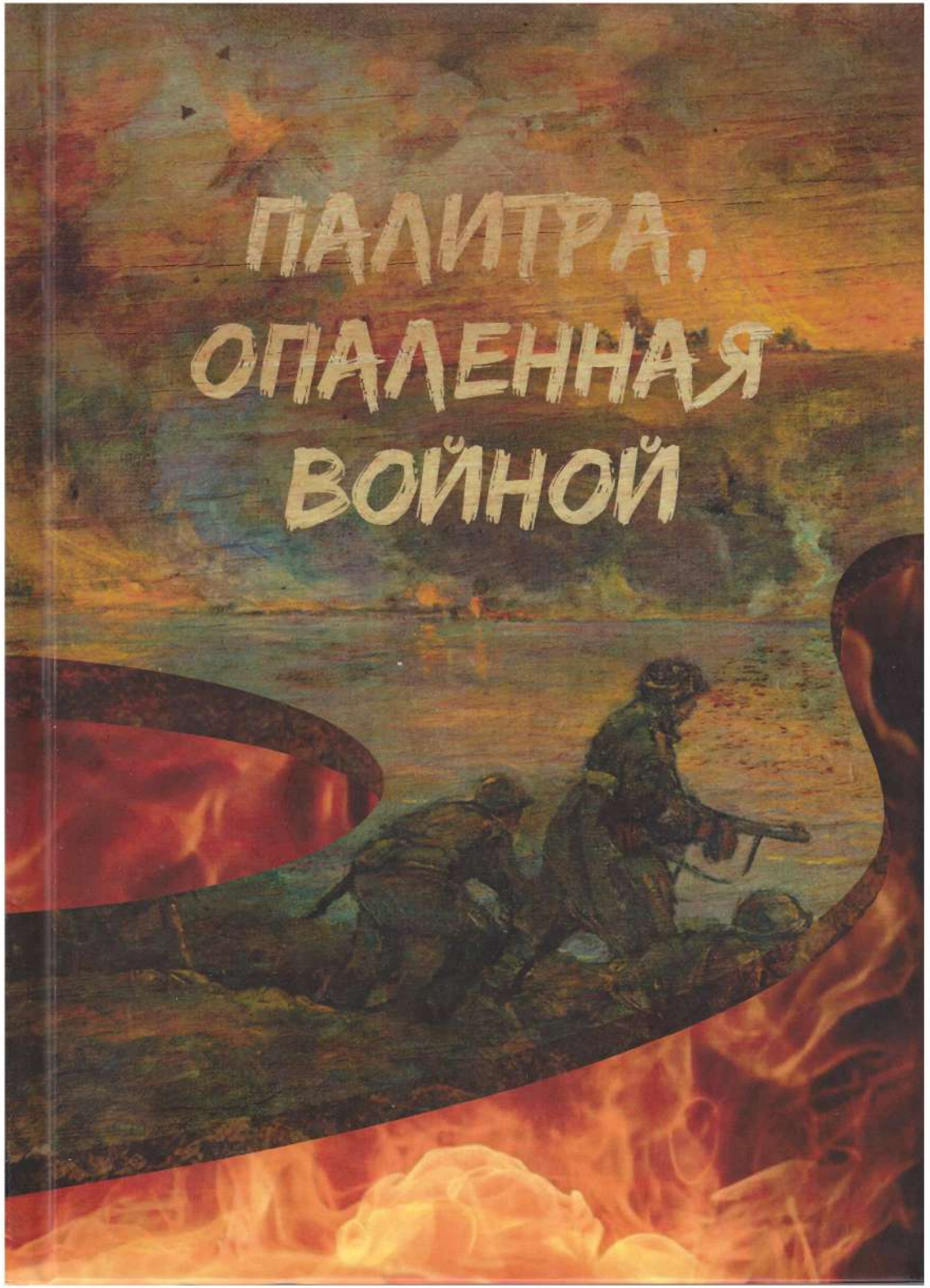

ПАЛИТРА,
ОПАЛЕННАЯ
ВОЙНОЙ

Нижний Тагил
А. Л. Шемякина

Петр Степанович Бортнов (1918–2013)

Уральский художник, живописец. Заслуженный художник РСФСР. Ветеран Великой Отечественной войны. Призван в армию в 1938 г., служил на о. Сахалин и Курильских островах до 1945 г., участвовал в Южно-Сахалинской и Курильской военных операциях. Комиссован из армии по причине тяжелой контузии в ноябре 1945 года. Награжден орденом Великой Отечественной войны II степени и медалью «За победу над Японией». После войны, в 1950 году, окончил живописно-педагогическое отделение Нижнетагильского художественно-промышленного училища. Член Союза художников с 1960 года. Один из организаторов Нижнетагильских художественно-промышленных мастерских, в которых работал с 1957 года. Член Художественного совета и член Правления Свердловской организации СХ РСФСР, делегат четырех Всесоюзных и Всероссийских съездов художников. Участник выставок с 1949 года. Мастер жанровой картины, в том числе – историко-революционной темы, портрета, пейзажа. Яркий представитель направления «сурового стиля» социалистического реализма на Урале. Произведения находятся в коллекциях Нижнетагильского музея изобразительных искусств, Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал», Ивдельского краеведческого музея, Серовского краеведческого музея, Музея трудовой славы Джезказгана, Государственной Третьяковской галереи, Центрального музея Вооруженных Сил РФ.

Петр Бортнов – вся жизнь в творчестве

Нижнетагильский живописец Петр Степанович Бортнов, Заслуженный художник РСФСР, до сих пор заставляет говорить зрителей и исследователей о своих произведениях. И если буквально два десятилетия лет назад работы Бортнова воспринимались как некий анахронизм, пережиток социалистического прошлого, то сегодня они востребованы искушенным зрителем, который, ностальгируя по СССР, соскучился по добротной исторической картине, реалистической живописи и хорошей академической школе. Среди молодежи, никогда не знавшей жизни в Советском Союзе, творчество Петра Степановича Бортнова вызывает неизменный интерес своей необычной для них ясностью художественного выражения, монументальностью и правдивостью образов, романтизацией исторических событий, которым он был современник, а для молодых людей – это далекое прошлое.

Петр Бортнов – человек сложной судьбы – такой, какой была у всего поколения ровесников революции. Родившись в 1918, он принадлежит к тому первому «свободному» поколению, которое ждало «счастливое будущее», а судьба оказалась сурова. Его жизнь и творчество совпали с временными рамками жизни советского государства. Его современникам выпало жить на сломе двух эпох: советской и постсоветской. Они пережили коллективизацию, индустриализацию, репрессии и войны, они гордились победам и старались стойко перенести поражения потому, что в этих победах и поражениях была частичка их стараний, переживаний и труда.

Город Нижняя Салда известен металлургическими предприятиями большой горнорудной империи заводчиков Демидовых. Здесь, в простой рабочей семье, родился Петр Бортнов – один из двух дружных братьев, рано начавших трудиться. Обычная биография мальчика из небольшого уральского городка. После семилетки – школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). И в школе, и в ФЗУ юный Петр Бортнов проявил себя как хороший рисовальщик и всегда с удовольствием оформлял стенгазету. Он всегда говорил, что рисовать начал раньше, чем говорить, и считал, что этот дар дается каждому. В 9 лет нарисовал на печке угольком соседского мальчика, да так похоже, что не получил наказания за испорченную побелку. После школы ФЗУ начал работать в паровозном депо, оттуда призвали в армию в 1938 г.

Служить пришлось в пограничных войсках Северного Сахалина, в Пятой Особой Сахалинской бригаде, которой командовал генерал И. П. Крязин. В это время возникла серьезная опасность военного

столкновения Советского Союза и Японии. Конфликты на озере Хасан и сражение на Халхин-Голе еще сильнее обострили ее. 1 июля 1940 года был создан советский Дальневосточный фронт, что указывало на реальный риск начала войны.

Вот в такую политически сложную обстановку, попал молодой пограничник, которому на момент начала службы в начале 1938 г., минуло 19 лет. Пограничники были в постоянной боевой готовности. Петр Степанович вспоминал о страшном нервном напряжении, не отпускавшем по несколько недель, о том, что приходилось спать, практически, не раздеваясь. «Наша воинская пограничная часть была сравнительно небольшой, и поэтому даже малые потери в столкновениях с нарушителями границы и с непогодой в виде тайфунов, цунами и частых землетрясений казались нам значительными» [9, л. 1]. Он вспоминал, как однажды, по вине командира, попало в тайфун целое подразделение из 15 человек, и люди замерзали при температуре минус 10 – 12 градусов под ледяным шквалом. «Бойцы сбрасывали с себя обледеневшую одежду, а затем огромные льдины с Охотского моря пошли на песчаную косу залива, сталкивая людей в ледяную воду, и давили их. Только в мае 1940 года мы отыскали останки погибших ребят. Некоторые были вморожены в льдины вместе с оружием, а от остальных только части их тел» [9, л. 1]. Это одно из немногих воспоминаний художника о его службе, не любил Петр Степанович вспоминать эти годы, а уж рассказов о войне от него было еще сложнее услышать! Но вспоминал он и о том, что японцы постоянно провоцировали на первый выстрел, по несколько раз в день, начиная психологические атаки, несмотря на подписание Пакта о нейтралитете. Не только психологические атаки, но и постоянные диверсии со стороны японцев Южного Сахалина уносили жизнь пограничников ежедневно. Масштабных боевых действий не было, а ребята гибли: от внезапного нападения, от отравлений. Однажды Петр с товарищами напился воды из отравленного колодца. Многие погибли, отравившись, попали в госпиталь, их долго лечили, но смерть приходила во сне. Когда Бортнов понял, что солдаты после отравления, засыпая, умирают, он несколько дней не спал, не давал себе заснуть ни под каким предлогом. Обладая невероятной силой воли, шатаясь от усталости и слабости, ходил по палате, делал зарядку, приседал, и только после полной интоксикации позволил себе уснуть. Из 26 ребят, призванных из Нижней Салды на Сахалин, на Дальнем Востоке погибли пятеро, а до глубокой старости дожил только Петр Бортнов. Он так и говорил потом: «Мне до сих пор кажется, что я еще не уволился из армии» [3, с. 34].

Но вот вполне мирные воспоминания о службе у Петра Степановича сохранились в большей степени. Он вспоминал о том, что в Охе был офицерский клуб, куда можно было приходить и провести досуг, участвовать в самодеятельном театре и вечером танцевать. В клубе нашлись инициаторы замечательного кружка рисования, где начинающий художник мог реализовать себя: «... был кружок художественной самодеятельности, был клуб, куда ходили даже гражданские японцы, и наши гарнизонные музыканты зарабатывали деньги, играя в этом клубе. А еще была художественная студия. Среди нас нашлись ребята с серьезным академическим образованием. Брали натуру, например, лошадь, и занимались, пока не доводили рисунок до совершенства» [9, л. 2]. Его неизменно притягивала красота суровой, скупой на тепло природы. Первозданная прелесть северосахалинских пейзажей восхищала его своей дикостью. Все было не так, как на Урале! Кедры и сосны стелются по земле, а ягодные кустики вырастают высокими. Температура минус 10 – 12 градусов для закаленного уральского парня оказалась серьезным испытанием из-за постоянных штормов и обледенений, а зимы, отличавшиеся 30-градусными морозами, были настолько многоснежные, что сугробы наметало в несколько метров, заваливая деревья, дома, а от телеграфных столбов оставались лишь верхушки. Молодость и желание несмотря ни на что жить нормальной, интересной жизнью, придавали силы. Помимо любимых пейзажей он много рисовал товарищей по службе, девушек из офицерского клуба, рабочих нефтяной сахалинской концессии. К сожалению, осталось очень мало фотографий – только те, что отправлял домой, и не сохранилось альбомов и зарисовок – весь чемодан с бесценным архивом был украден во время пути Петра Степановича с Дальнего Востока на Урал уже после войны.

Медаль «За победу над Японией» и орден Отечественной войны II степени – так отмечены боевые заслуги Петра Степановича Бортнова. В августе 1945 года молодой боец участвовал в Южно-Сахалинской и Курильской военных операциях, а в ноябре 1945 года комиссовался из армии. Осенью он получил тяжелую контузию во время патрулирования пограничных вод: на военном катере произошло столкновение с миной огромной мощности. Катер разорвало на части, спаслись немногие, среди них и Петр, которого подобрал катер, идущий следом. Контузия была очень тяжелая, бойца даже не сразу признали живым. «Демобилизовался я из армии в ноябре 1945 года, и прямо из госпиталя (после контузии) вернулся домой, на Урал, в очень плохом состоянии: потеря памяти, боль в голове и какая-то «принудитель-

ная» расслабленность. До армии я работал в паровозном депо слесарем-арматурщиком, а после увольнения я по состоянию здоровья поступить туда не мог из-за частых припадков и потерь памяти» [9, л. 2]. Так и получилось, что Петр начинает осваивать другую профессию – не рабочего, не военного, а художника. Давняя любовь к рисованию приводит его в Уральское училище прикладного искусства.

Петр Степанович Бортнов известен в первую очередь как мастер большой многофигурной картины, но его никогда не оставлял интерес и к другим жанрам, темами в которых стали история и природа Урала, портреты близких и друзей, индустриальная тема и... война. Но не Великая Отечественная, о которой он так не любил вспоминать, а Гражданская – война его отца. Эхо этой войны отразится в творчестве Петра Ботрнова целой серией различных произведений, созданных в разные годы. Но одна история, волновавшая его с детства, – расстрел нижнесалдинских коммунистов в Кедровой роще – оказалась для него самой больной и мучительной. Среди этих расстрелянных мог оказаться его отец: до конца жизни помнил Степан Ильич Бортнов своих погибших товарищей, а его сын создал пронзительную картину – «Расстрел в Кедровой роще». Неоднократно возвращался художник к этому сюжету, известно три варианта картины. Он много читал о тех расстрелянных людях, искал их фотографии, обращался к архивам и краеведам. Композиция, повторенная на всех трех вариантах, раскрывает автора как зрелого мастера: люди в белых одеждах стоят полукругом возле вырытой ими могилы, расстрельной команды не видно – зрителю предстают только коммунисты. Они все разные, с разными выражениями лица, с разными характерами, но их объединяет одно – спокойная готовность к смерти. Нет здесь места ни прощальным рыданиям, ни женским слезам. Они уже вне времени – они уже история. Для живописца это было так. Композиционно развертывая фигуры почти фронтально, он трактовал их как Апостолов нового светлого будущего. Работа заняла у художника несколько лет, первый вариант появился в 1967, а последний – в 1991.

Не сразу художник нашел себя, свою тему, а творческий почерк, композиционные и художественные приемы искал несколько лет, никогда не останавливался на достигнутом, что и позволило достаточно уверенно обрести собственную художественную индивидуальность и неповторимый авторский стиль. Первые работы 1950-х годов выполнены им в типичном для соцреализма ключе, с обязательной пафосной торжественностью, а также идеализированной однозначностью трактовки образов. Художественный язык ранних произведений

Бортнова на историческую тему восходит к школе академической живописи, с ее постановочной сочиненной композицией, с тщательной выписанностью и тяготением к деталям, театральным позам персонажей и экспрессивным, эффектным ракурсам. Мазок художника еще сглаженный, а колористическая гамма сдержанная. Первые работы автора еще не рождали тех образов, которые были характерны для зрелых героико-революционных и индустриальных произведений. Тема исторических событий была взята в масштабе родного Урала. И через историю Урала, историю тех мест, где он родился, как в капле воды, отразилась история всей страны: в дипломном произведении «Пуск первого паровоза» (1950) – начало технического переворота, в картине «Ермак на горе Медведь-Камень» (1950-е) – завоевание новых земель, Россия «прирастает» Сибирью, а в работе «Мансийская деревня на реке Тагил» (1950-е) – воспоминания о коренных жителях края. Но Бортнов неустанно ищет своего героя, свою главную тему творчества. Постепенно исторические сюжеты начинают оттесняться мотивами героико-революционных событий, которые в 1960-е стали превалировать в искусстве живописца, и именно они сделали его одним из известных художников Урала.

П. С. Бортнов. Уральские партизаны. 1961. Нижнетагильский музей изобразительных искусств

В начале 1960-х, накануне юбилея революции, тема Гражданской войны была особенно востребована в советском искусстве и культуре, многие мастера обращались к ней и создавали произведения на сю-

жеты, подсказанные историей той далекой поры. В работах художника Петра Бортнова появилось желание не парадно-возвышенно, а правдиво и без прикрас, показать жизнь старшего поколения. В картине «Уральские партизаны» (1961) – суровые будни суровых людей.

Но за их внешней суровостью есть та особая составляющая, которая уводит зрителей нынешних поколений «в тревожную даль», «через тернии – к звездам», к мечте о светлом и прекрасном, которое эти герои подарят будущим поколениям. Работу «Уральские партизаны», показанную в Москве, на выставке «Советская Россия» в 1961 году, следует рассматривать как пограничное для «сурового стиля» произведение. От классической реалистической живописи в нем осталась вибрирующая свето-воздушная среда, живописное решение снега и неба, легкий мазок. Но утяжеление масс, монохромное цветовое решение говорят о том, что художник начинает искать новые способы художественного выражения. Провинциальный суровый стиль, как известно, и отличался некой пограничностью и половинчатостью. Но в лучших примерах 1960-х, к которым относятся и рассматриваемые работы Бортнова, показана полная забот и лишений повседневность, без прикрас, без «патоки» и «оголтелых» восторгов.

В работах «Ленин говорит» и «Красные орлы» (обе 1964) – через напряженный колорит выражено единение героев в реализации одной идеи, общего эмоционального порыва, особенно выразившегося в звучном красном цвете, просветленных образах, объединенных этим самым порывом.

В этот период у художника происходит настоящий перелом в построении. Благодаря фрагментарности композиции, которую он строит то по диагонали, то фронтально, достигается ощущение вовлеченности зрителя в события, о которых рассказывают произведения – зритель вместе с уральскими партизанами преодолевает тяготы военного похода, вместе с народом слушает речь Ленина. Но вот при всей общности композиции «Красных орлов» и «Ленин говорит» их эмоциональный настрой и взаимодействие со зрителем разное: в «Красных орлах» чувствуется некая отчужденность зрителя от героев картины. Они как бы «над» и «вне» общего пространства, отделены самим временем. Образы, создаваемые Бортновым – это народные, узнаваемые типажи с выразительными лицами разных поколений. Герои произведений такие разные, но идущие вместе, «в ногу», верящие и любящие одно, преданные своему «правому делу». Впервые именно в таких картинах как «Ленин говорит» и «Красные орлы», художник пробует прием показа действия или события через переживания изображенных героев, что рождает множество портретов в одной работе, а в них разнообразие эмоций и чувств – спокойствие рядом с энергией, сдержанность вместе со светлой радостью жизни – этим приемом автор добивается передачи общей уверенности в правоте дела революции. Бортнов представляет их как мужественных борцов и победителей. В этот время художник «входит в силу», раскрывается как живописец, пишет свободно, легко. При сдержанном колорите появляются богатые живописные решения, в картинах много красного цвета – красные косынки, банты, знамена, транспаранты, – предстающего как цвет призыва, революции, крови и надежды на будущие счастливые поколения, цвета, призванного объединить людей, повести их за собой. И все же, в этом цвете нет яркой праздничности, он скорее суров и торжественен, как суровы изображенные люди.

П. С. Бортнов. Прорыв. 1967. Холст, масло.
Нижнетагильский музей изобразительных искусств

Пожалуй, одним из самых сильных и программных произведений художника можно назвать «Прорыв» (1967), написанный Бортновым к юбилею Октября. В этом динамичном полотне соединились мастерство пейзажиста и жанриста.

В «Прорыве» пейзаж выступает как самостоятельный персонаж: громады чусовских утесов нависли над узкой полоской берега. Они так молчаливы, так вечны и бесстрастны, что этим скалам совершенно нет дела до быстро меняющейся жизни людей. А у их подножья несется стремительная лавина всадников, словно это само ВРЕМЯ, сметающее все на своем пути. Противопоставление динамики и статики, удачно найденная сомасштабность всех деталей композиции, суровость колористического решения, а самое главное – внутренний

настрой, энергия, нота героико-трагической романтики – предопределили счастливую жизнь произведения: картина была приобретено московским музеем «Советской Армии», а в Нижнетагильском музее изобразительных искусств хранится ее авторское повторение.

Особое внутренне напряжение, драматизм достигается Петром Бортновым точно найденным, сдержанным и в то же время контрастным колоритом в картинах. Мужественные черты борцов и победителей у Бортнова предстают как сущность личности, призваны передать целостность образов. В картине «Блюхер. (Волочаевка)», 1969 г., написанию которой послужило воспоминание о мимолетной личной встрече с легендарным начдивом, герой Гражданской войны показан уже совершенно в духе «сурового стиля». В работе есть все отличительные черты: сдержанный колорит, минимализм в композиции; фигура главного героя расположена не в центре, ближе к правому краю полотна, и дана развернутой в профиль (в центре композиции зритель видит молодого трубача). Подобное решение уравнивает командира и его солдат. В сдержанности главного героя нет ни парадности, ни пафосной агитки, но именно образ трубача вносит звучание внешних романтических тональностей в общий реалистический строй картины. Перед зрителем предстает мужественный, сурово-сосредоточенный мир, живущий в непрерывном движении, строгом деловом ритме.

Одной из важных линий в развитии советского изобразительного искусства конца 1950–1970-х годов было прославление индустриальной мощи страны. Многие художники той поры отдали дань официально признанному индустриальному пейзажу, который отражал жизнь и работу больших предприятий, их трудовые будни. Такой тип пейзажа также нашел свое воплощение в творчестве живописца Бортнова, который раз и навсегда влюбился в рабочие профессии, уважал их, сам мечтал работать на производстве. Его захватывала мощь, завораживало своеобразие видов и величие трудового подвига простых людей, которые, как и художник, верили в «светлый завтрашний день». И, возможно, от этой веры рождались у автора интересные и убедительные работы: «5-я домна. Двор» (1959), «5-я домна. День пуска» (1959), «6-я домна» (1964), «Доменное хозяйство» (1974), наполненные уважением и восхищением к огненной профессии металлурга. К индустриальной теме обращался художник в течение жизни не раз. Колористическое решение этих работ сдержанно, что продиктовано было стремлением передать суровость профессии. Чаще всего изображение людей в этих пейзажах полностью отсутствует, так как художнику важны были не они, а сам производственный процесс.

В индустриальной тематике творчества П. С. Бортнова, кроме немногих пейзажей, присутствуют и портреты металлургов, и изображение производства («Стан-800»). Но главными в этом ряду, по праву, следует назвать тематические большеформатные полотна «Смена» (1974, приобретенная в ГТГ), «Есть тагильская стомиллионная» (1979), «Пионерская плавка» (1976).

Все эти работы родились в семидесятые, когда индустриальные сюжеты были актуальными. Для художника, знавшего труд рабочего человека не понаслышке, тема эта была близка, и здесь он был честен. «Героика трудовых будней» звучала в картинах Бортнова в красно-оранжевых тонах льющегося металла, огненных отсветах на лицах металлургов и... в багряных полотнищах знамен победителей соцсоревнований.

Вторая волна «сурового стиля» породила в творчестве некоторых советских художников произведения со своим субъективным критическим взглядом на окружающую жизнь, но в то же самое время работали художники, которые, принимая формы «сурового стиля», прославляли официально признанную социалистическую действительность, создавая работы, наполненные патетикой трудового подвига. Петр Степанович Бортнов принадлежал ко второй группе названных художников. Но, несмотря на патетичность и однозначность образов, художник был все же искренен в своей гордости за людей труда.

Герои 1970-х – это его современники, преданные своему делу, профессии, которые начинают прославляться как в искусстве тех лет вообще, так и в творчестве Бортнова в частности. В этих полотнах «доброта дня», вся окружающая их повседневность – своя, близкая, родственная. В этот период творчества Бортнов продолжает развивать фронтально развернутую композицию, подавая изображения фигур, как бы возвышающихся над землей, – мир завоеван, и это их мир, они теперь «молодые хозяева земли». Именно тогда в произведениях Петра Степановича вновь рождается иной, новый для него художественный язык: начинает превалировать линия, работы становятся менее живописными, более декоративными и плакатными, цвета чистыми и локальными, композиции менее динамичны. Художник использует излюбленный прием – показ не самого действия, момента свершения, а праздничной кульминации. Создавая групповые и одиночные портреты вполне конкретных людей в работах «Есть тагильская стомиллионная», «Смена», Бортнов все же приходит к обобщенным образам-типажам. В поисках своего типического героя он пишет мно-

жество портретных этюдов просто незнакомых людей – металлургов, детей, разнорабочих. Нетрудно было бы определить то общее, что объединило их в нашем сознании, – это мужественные, энергичные, деятельные люди. Их ежедневный труд осмыслен важностью высоких целей. Участники созидательного, жизнестроительного процесса, они в представлении автора исполнены чувства долга, сознания ответственности и серьезности своего гражданского и человеческого призвания. Художник применяет прием обобщения и типизации, где главное – рождение общего образа сталевара, металлурга.

Один из наиболее обобщенных образов хозяйки земли, мирной завоевательницы новой жизни Петру Степановичу удался в работе «Хозяйка гор» (1974), которая имеет и второе название «Портрет геолога М. Хары».

Через год, в 1975-м, автор создает другой портрет Маргариты Хары, в котором она предстает простой женщиной, спокойно сидящей на стуле, одетой по моде тех лет. По этой работе невозможно догадаться, кто она по профессии, в то время как в «Хозяйке гор» портрет частного конкретного лица перерос в собирательный образ молодого геолога, профессия которого увлекала как раз в эти годы многих молодых людей. Особую выразительность этому программному произведению придает высокий горизонт композиции, благодаря которому изображение молодой женщины как бы парит над землей, и земля необъятна, огромна, и вся принадлежит ей, она здесь Хозяйка. Обобщенные лаконичные формы, чистый открытый цвет передают возвышенную приподнятость настроения, радость за великие свершения простого человека труда – чувства, часто присутствовавшего в официально принятом изобразительном искусстве. Гражданственная поэзия времени естественно и органично перерастала в поэзию более высокого и широкоохватного плана.

В творческой линии Петра Степановича Бортнова есть портреты, написанные «для себя». Это изображения близких, дорогих людей, знакомых, друзей и родственников. Они несут внутреннее очарование и любование своими героями. Таким радостным и живописным портретом является изображение дочери художника (будущей художницы Натальи Петровны Бортновой, единомышленницы отца) «Наталька» (1961) – замечательно живой, с «брызгами» красного, зеленого, золотистого цветов, с чудесной передачей солнечного настроения, так характерного для беззаботного детства.

И совсем другое настроение тихой задумчивости и самоуглубленности звучит в работе «Баба Саша» (1963), где пожилая женщина изо-

бражена в профиль за домашней работой, лицо скрыто в легкой тени. Колорит работы сдержан, а мазок экспрессивен. Произведение пронизано лаской, скрытой нежной любовью, искренним уважением, и зритель, глядя на него, невольно поддается общему эмоциональному чувству.

Несмотря на стойкое нежелание вспоминать о Великой Отечественной войне, Петр Степанович Бортнов все же не смог совсем обойти эту тему в своем творчестве. Он не писал батальные сцены, а рассказывал о войне через портреты людей, переживших это лихолетье. Так, в 1975 году появляется «Портрет санитара Ф. Чиручика», а через двадцать лет – портрет ветерана, слушающего 9-ю симфонию Бетховена («9-я симфония Бетховена», 1995). Но самые жгучие чувства боли и сострадания нашли свое выражение в мирном образе матери. Трогательное и пронзительное произведение «Мать. Звезды сыновей» (1970, 1975), в работе над которым художник многое выстрадал, передумал, прежде чем нашел свою героиню. Он искал ее во всех близлежащих деревнях, вглядываясь в лица вдов и матерей. Но образ не рождался. И вот однажды художник увидел пустую высохшую личинку: «...и тут меня осенило – вот какой должна быть мать: сухонькая, без груди, только руки и лицо – как икона. Картина получилась такая простая и без претензий, что думал, никуда она не "пройдет". Однако ее взяли в музей Армии...», – вспоминает художник о найденном, почти иконном образе [2, с . 27]. В этой работе проявились человеческая личность и в то же время обобщенность и монументальность собирательного типажа простой русской женщины, потерявшей всех на этом свете. Это произведение – эхо, отголосок, мрачная тень страшных событий в мирное время. И символическая фигура матери долго и мучительно вынашивалась в душе художника. В картине так сильна чужая боль, что она становится своей. И все это передано минимальным набором художественных средств: простая сдержанная композиция, естественная поза, почти монохромная палитра, которая придает произведению отстраненность от действительности; цвет не звонкий, словно с выгоревшей довоенной фотографии. Героиня погружена в себя, скорбь ее светла и священна, потому что постепенно к ней пришло осознание того, что ее дети погибли за мирное будущее подрастающих поколений. В создании этой работы художник идет от малого к большому, монументальному, и небольшой, частный сюжет становится у него пронзительным, наполненным всемирной скорбью и жертвенностью. Именно жертвенность, наполняющая произведение, отличает его от остальных работ своей человечностью и глубиной.

П. С. Бортнов. Весна. Возрождение. 1973. Холст, масло. Нижнетагильский музей изобразительных искусств

В самом начале творческого пути, благодаря учителю – замечательному пейзажисту Олегу Эдгардовичу Бернгардту, у тогда еще молодого художника родилась любовь к неброской красоте уральской природы, которую он пронес через всю жизнь. Петр Бортнов писал всегда для души, как некое отдохновение, удивительно живописные, с тонкой щемящей грустью пейзажи. Он редко их выставлял. Любимый жанр в его творчестве развивался через этюды, пленэрные зарисовки – быстрые, тонко подмеченные и остро схваченные. Каждый сюжет, скромный или выразительный, превращался у художника в точный и узнаваемый образ родного края, пропущенный через свое мировосприятие, свои идеалы гармонии, преумножая мгновения красоты. В любом пейзаже Бортнова, в любом частном мотиве, кроме его индустриальных работ, художник умел передать ощущение непреходящей свежести. Композиции его произведений всегда уравновешиваются точным распределением темных и светлых масс, теплых и холодных тонов. Художник пишет пейзажи легко, непринужденно, как дышит, поэтому для них характерны человеческая теплота и эмоциональность, живость мазка и законченность, выверенность композиции. Петр Степанович удивительно тонко передает состояние через различные композиционные приемы: например, высокий горизонт в раннем этюде «Дом напротив» (1948) позволяет оставить большое пространство

для снега. Снег этот такой живописный, с тонкими колористическими нюансами и переходами, что зритель невольно чувствует дыхание зимы, слышит, как хрустит это снег под ногами проходящей женщины. Совсем другим – рыхлым и тяжелым – этот снег ощущается в картине «Весна. Возрождение» (1973).

В этом произведении зрелого мастера найдены такие звучные, наполненные красотой и яркостью сочетания пронзительно-синего, золотисто-охристого цветов, с присутствием удивительно чистого белого, что у зрителя создается впечатление меняющегося и в то же время остающегося незыблемым, праздника пробуждающейся жизни. Это не просто ранняя весна, а действительно возрождение после небытия весны, и ликующая песнь весны льется в звоне капели, в гомоне птиц, в теплоте солнечных лучей и нежности порозовевших берез.

Произведение «Весна. Возрождение», написанное на реке Чусовой в поселке Кыне, несет обобщенное представление об уральской деревне. Художник любил Кын, часто ездил туда на пленэр и оставил множество этюдов и картин, посвященных ему. Кын живописен, он очаровывает и местоположением, и удивительной гармонией с природой, разбросанностью по рельефу, близостью к реке. В работах Петра Степановича Кын предстает то хорошо сохранившимися, живописными домами на фоне вечных уральских гор, то размытыми дождями кривыми улочками, бревенчатыми мостиками и заборами. В этих пейзажах неизменно ощущается непоколебимость устоев, основательность быта, и присутствует светлая умиротворенность.

В ряде кынских пейзажей 1960–1980-х годов появляется некая вселенская масштабность, уход в «даль светлую», что придает маленькому, затерянному в горах поселку, какую-то большую значимость. Урал для Бортнова – это его край, малая родина, отличающаяся суровостью и простотой, для отражения которых он выбирает сдержанную палитру, негромкие приглушенные цвета.

В 1970–1980-е годы художник много путешествовал по стране, побывал и на юге: у него дивный ряд среднеазиатских этюдов, от которых так и веет изнуряющим зноем, но при этом ему удается сохранить мягкий колорит старой бирюзы неба, охристых тонов пустыни. Он с неизменным любованием писал панорамы старых городов: «Переяславль-Залесский» (1989) предстает величественным, монументальным, ракурс древнего кремля взят снизу вверх, что придает ему еще большую торжественность, здесь чувствуется дыхание самой истории; «Соликамск» (1953) – это бескрайний простор Камы, некая старозаветная тишина небольшого провинциального города, в этой панораме

тоже история, но не эпическая, не державная, а тихая, своя, уральская.

С возрастом художник терял зрение, и именно пейзажи стали для него той дверцей в мир красок и цветов, которая не закрывалась до самого конца. В конце жизни это были уже очень небольшие по размеру и содержанию этюдики, но без них он не мыслил себя.

Талант художника развивался и в литературных произведениях, отличающихся тонкой наблюдательностью, свойственной автору, и простым языком. Петр Степанович в трудные годы слома эпох, когда произошла смена тем, настроений, переоценка политических и идеологических ценностей, обратился к литературе. Он много писал, создавая различные по жанрам произведения – рассказы, повести и даже сказки. В 90-летний юбилей вышла книга «Пронькин переулок», в которой он раскрыл с недюжинным литературным талантом светлый и прекрасный мир детства маленького мальчика. Он мастерски изобразил своеобразный быт и нравы жителей заводских поселков (повесть «Изгои»). И в этих литературных опытах Бортнов остается замечательным художником, честным и искренним.

Творчество Петра Степановича Бортнова, несомненно, – это творчество «художника социалистического реализма». Это понятие очень точно соответствует ему. Он совершенно искренне верил в то, что писал. И в общем ряду художников той поры он был одним из тех, кто, веря и не кривя душой, создавал официально востребованные произведения, полные героической романтики революции и мирного социалистического строительства.

Список использованных источников и литературы

1. Гуськова, Т. К. Художник Петр Степанович Бортнов / Т. К. Гуськова // Тагильский вестник. Вып. 6. – Нижний Тагил, 2010. – С. 103-111.

2. Петр Бортнов: каталог-монография / авт. текста и сост. кат. А. Л. Шемякина; авт. вст. ст. Т. К. Гуськова; науч. ред. Е. В. Ильина; НТМИИ. – Нижний Тагил, 2009. – 56 с.: ил.

3. Петр Бортнов: альбом / авт. текста В. Сахнов. – Нижний Тагил: СЭВ, 2001. – 119 с.: цв.ил.

4. Татаринова, И. Искусство жить достойно / И. Татаринова // След на земле. Вып. 2. – Екатеринбург: СВ-96, 2000. – С. 120-128.

5. Каталог. Выставка произведений П. С. Бортнова к пятидесятилетию со дня рождения художника /авт. текста, сост. кат. Э. П. Дистергефт. – Свердловск, орг. СХ РСФСР, НТМИИ. Нижний Тагил, 1968. – 32 с.: ч/б ил.

6. Петр Степанович Бортнов: буклет / М. С. Куликова; Свердл. орг. СХ РСФСР. – Свердловск, 1979.

7. Художники-фронтовики. 50-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается / НТМИИ. – Нижний Тагил, 1995.

8. Художники-фронтовики Екатеринбурга и Нижнего Тагила / авт.-сост. Ярков С. П. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2005.

9. НТГИА, Архив Нижнетагильского музея изобразительных искусств, личный фонд П. С. Бортнова, т. 9, ед. хр. 51 «Воспоминание П. С. Бортнова о службе в армии, записанное Парышевым».

10. https://statehistory.livejournal.com/40971.html [Цифровой ресурс] (дата обращения: 4.02.2020).

11. https://ru.wikipedia.org/wiki/Пакт_о_нейтралитете_между_СССР_и_ Японией_(1941) [Цифровой ресурс] дата обращения 5.02.2020.

12. https://uspensky.me/2015/02/26/yuzhyz-sakhalin-1945/ [Цифровой ресурс] (дата обращения: 6.02.2020).